

*Эта книга посвящается
Рори*

Мы шли по нашей улице. Кевин вдруг остановился и изо всех сил двинул палкой по калитке. По калитке миссис Квигли, а миссис Квигли вечно смотрела в окно и никогда ничего не делала.

— Квигли!

— Квигли!

— Квигли, Квигли, Квигли!

Лиам с Эйданом свернули в свой тупичок. Мы ничего им не сказали на прощание, да и они нам ничего не сказали. У Лиамы с Эйданом не было матери. То есть была, конечно, да умерла. Звали ее миссис О'Коннелл.

— Потрясающе было бы, ага? — вздохнул я.

— Ага, — поддакнул Кевин. — Нехило.

Мы имели в виду: нехило, когда маманя умерла. Синдбад, мой младший братишка, понял и заревел. Лиам учился со мной в одном классе. Однажды он наложил в штаны, и вонь накрыла нас, как накрывает печной жар, если отворить заслонку. А учитель ничего ему не сделал: не орал, не стегал в ярости ремнем по его парте. Ничего! Только велел нам сложить руки и уснуть, а когда мы уснули, вывел Лиаму вон из класса и долго не возвращался. А Лиам в тот день совсем не вернулся.

Джеймс О'Киф прошептал:

— Я бы обгадился — он бы меня убил!

— Угу.

— Нечестно, — ворчал он, — нечестно.

Мистер Хеннесси, учитель, Джеймса ненавидел. Пишет, бывало, на доске, стоя к нам спиной, и говорит:

— О'Киф, я ведь знаю, что-то вы там творите, чем-то вы не тем заняты. Не ждите, пока я вас поймаю.

Однажды сказал так, а Джеймса О'Кифа вообще не было. Свинкой болел.

Хенно привел Лиама в порядок в учительском туалете, потом пошел с ним к директору, а уж директор на собственной машине отвез Лиама к тетке, потому как дома у О'Коннеллов никого не было. Тетя жила в Рахени¹.

— Бумаги он два рулона извел, — рассказывал Лиам, — и шиллинг мне дал.

— Вранье, покажи.

— Вот!

— Тю, это три пенса...

— Я остальное все потратил. — И с этими словами Лиам достал из кармана пакет ирисок, вернее, остатки пакета, и показал нам. — Вот!

— Дай одну.

— Там всего-то четыре штучки осталось. — Лиам засунул ириски обратно в карман.

— Ах, так, — сказал Кевин и толкнул Лиама.

Лиам побрел домой.

В тот день мы возвращались домой со стройки. Набрали длинных шестидюймовых гвоздей, доще-

---

¹ Здесь и далее упоминаются пригороды Дублина и окрестные районы.

чек — кораблики делать, вдоволь накидались кирпичами в канаву со свежим цементом. И вдруг Эйдан как дал деру — он страшно хрипел, задыхался от астмы. Ну мы и побежали тоже. Кто-то за нами гнался. Но мне пришлось ждать Синдбада, и я увидел, что никто за нами и не гонится. Но промолчал. Схватил Синдбада за руку и помчался, еле нагнал остальных. Остановились мы, только выбежав на пустырь. Хохотали, визжали через дырку в заборе. Потом полезли наружу, опасливо оборачиваясь, не идет ли сторож. Синдбад зацепился рукавом за колючую проволоку.

— Сторож идет! — заорал Кевин и проскользнул в дырку.

Мы оставили Синдбада сражаться с проволокой и притворились, что удираем. Было слышно, как мой брат громко сопит. Мы присели у ворот ближнего к забору дома — О’Дрисколлов.

— Патрик, — захныкал Синдбад.

— Синдба-а-ад, — передразнил Кевин.

Эйдан засунул пальцы в рот. Лиам пульнул камнем в забор.

— Маме скажу, — ныл Синдбад.

Я сдался. Отцепил мелкого, вытер ему нос рукавом. И потопали мы домой ужинать: четверг — пастуший пирог¹.

Отец Лиама и Эйдана выл на луну. Не каждый день, понятно, только иногда среди ночи, на заднем дворе. Я никогда не слышал, но Кевин говорит, слышал. Ма говорила, что это он по жене тоскует.

---

¹ Пастуший пирог — традиционное блюдо британской кухни, слоеная запеканка из рубленого мяса или фарша и картофельное пюре.

— По миссис О'Коннелл?

— Верно, верно.

Па с ма был согласен.

— Горюет, бедняга, — вздыхала мама.

Кевинов отец утверждал, что мистер О'Коннелл воет по пьянке. Он, впрочем, не говорил «мистер О'Коннелл», он говорил «наш лудильщик».

— Кто бы говорил — сказала моя мама. — Не слушай ты его, Патрик, он шуткует так. Ну сам посуди, где мистеру О'Коннеллу напиток? В Барритауне¹ и паба-то нет.

— В Рахени зато целых три.

— Рахени не ближний свет, не наездишься, — сказала ма. — Бедняга мистер О'Коннелл. Что уж толковать о нем.

Кевин рассказал Лиаму, что видел, как его папаня смотрит на луну и прямо так «у-у-у», точно волк-оборотень.

Лиам обозвал Кевина брехлом.

Кевин заорал: «А ну, повтори!» Но Лиам повторять не стал.

Ужин был не готов. Синдбад оставил правый ботинок на стройке. Нам запрещали там играть, и мелкий соврал, что не помнит, где его забыл, этот ботинок. Ма Синдбада отшлепала. Держала его за руку и шлепала, а он уворачивался, так что не сильно до-

---

¹ Барритаун — вымышленный пригород к северу от Дублина, который, как считается, представляет собой смесь реальных районов, в которых вырос автор — Килбаррака и Баллимуна. Башни — многоэтажные дома Баллимуна, построенные в 1960-х, — стали символом экономической депрессии в стране в 1980-х гг. и провала массового строительства государственного жилья в Дублине.

Действие первых трех романов Р. Дойла также разворачивается в Барритауне.

сталось. Но Синдбад все равно ревел, и ма его отпустила.

Синдбад у нас рева-корова.

— Не дите, а сто фунтов убытку, — сказала она Синдбаду, сама чуть не плача. И велела после ужина пойти нам вдвоем и отыскать этот ботинок. Я, видите ли, должен был за младшим приглядывать.

Впотьмах еще переться через дырку в заборе, через пустырь, а на стройке грязища, сторожа, в цемент еще вляпаюсь. Ма отправила нас мыть руки. Я прикрыл в ванной дверь и прописал Синдбаду за все хорошее.

Я должен был присматривать за Дейдрре, лежащей в колыбельке, пока ма надевала мелкому чистые носочки. Она вытерла ему нос и глаза прямо костяшками пальцев и долго-долго смотрела ему в глаза. «Ладно-ладно, успокойся уже», — говорит. Я испугался, что сейчас ма спросит, что же все-таки случилось, а он наябедничает. Я качал колыбель, подражая ма.

Мы развели костер. Мы всегда разводили костры.

Я снял свитер, чтобы он не провонял дымом, — холодновато, правда, но терпеть можно, — и озираюсь, куда бы свитер положить на чистое. Мы гуляли по стройке. Вот загородка, где стояли лопаты, вот кирпичи, вот сарай, где строители пьют чай. У дверей сарая всегда валялись корки от хлеба — большие кучи корок с остатками джема. Через проволочную ограду мы наблюдали за чайкой, тянувшей шею за аппетитной корочкой, — клювик короткий. Чайка почти схватила лакомый кусок, но вдруг еще одна корка вылетела из двери и прямо птице по голове. Строители в сарае взревели от смеха.

Со стройки все куда-то подевалось. Осталась только квадратная яма с грязью, обломки кирпичей да следы автомобильных шин. А вот и новая дорога, которая раньше была сырым цементом; а в конце нее — новая стройплощадка. Мы пошли смотреть свои имена, которые написали на цементе, но их стерли, ничего не осталось.

— Тьфу, дерьмо, — сказал Кевин.

Весь Барритаун был исписан нашими именами, все тротуары и дорожки. Писали ночью, когда все, кроме сторожей, само собой, разойдутся по домам. А утром, когда наши надписи находили, было уже поздно — цемент застыл. Мы поступали по-умному, писали только имена, без фамилий. А то вдруг строители пойдут по домам искать мальчишек, которые им весь цемент испортили.

Строек в Барритауне было много: то такой дом, то сякой.

Мы однажды написали адрес Лиама, имя и фамилию черным фломастером на свежей, только что оштукатуренной стене внутри одного из домов. И ничего ему не было.

Как-то раз ма не сразу учуяла дымный запах от свитера. Сначала взяла меня за руки, присмотрелась:

— Ты только глянь на свои руки! А ногти-то! Господи, Патрик... Ты что, длядохлой кошки могилу рыл?

Потом она принялась.

— Что ты натворил?!

— Костер жгли.

И мама меня убила. Самое ужасное оказалось ждать отца с работы и гадать, доложит ли она ему обо всем.

Спички были у Кевина: «Свон», целый коробок. Нравились мне эти коробки. Мы соорудили вигвам из

досок и палочек, нашли за магазинами два картонных ящика, разорвали их и подсунули их между досок. Само по себе дерево плохо разгорается.

Было еще светло. Кевин зажег спичку. Мы с Лиамом следили, не идет ли кто. Больше с нами никого не было: Эйдан был у тетки, Синдбад лежал в больнице — ему удаляли железы. Кевин сунул спичку под ящик, подождал, пока бумага затлеет, и бросил спичку. Вместе мы смотрели, как огонь пожирает картонку. А потом удрали.

У меня со спичками вечно были проблемы. То спичка сломается, то не зажжется, то чиркаешь-чиркаешь, а оказывается, не по той стороне коробка, а уж если она загоралась, то я слишком быстро ее бросал.

Мы ждали за домом, а как только появился сторож, бросились бежать. Вот и забор, наш путь к спасению. Кевин говорит, что если не поймали на самой стройке, то всё, ничего уже не смогут нам сделать. Если поймают на дороге, да еще и ударят — запросто в суд можно подавать. Нашего костра мы почти не видели. Выжидали. Это был еще не дом, одни стены. Шесть домов встык. Здесь строила дома Корпорация. Еще немножко подождали. Я забыл свитер.

— Ой, ой!

— Чего «ой»?

— Ой, чтоб меня!

— Чего чтоб тебя?

— Тревога! Тревога!

И мы поползли вдоль стены. Не всю дорогу, конечно, так было бы слишком долго. Где-то здесь стояла бочка, а свитер я спрятал рядом. Тут я побежал, спрятался за бочкой и с трудом перевел дыхание для

последнего рывка. Оглянулся. Кевин встал прямо, оглянулся по сторонам и опять пригнулся.

— Порядок! — сказал он шепотом.

Я сделал глубокий вдох и выскочил из-за бочки. Никто даже не кричал в мою сторону. Я издал звук, похожий на взрыв бомбы, подхватил свитер с кирпичей и опять спрятался за бочку.

Костер наш разгорелся что надо, дым валил клубами. Я схватил камень и пульнул прямо в огонь. Кевин снова высунулся и огляделся в поисках сторожа. Горизонт был чист. Он дал мне сигнал возвращаться, и я снова пополз вдоль стены. Кевин похлопал меня по плечу. Похлопал меня по плечу и Лиам.

Я обвязал рукава свитера вокруг пояса, сделал спереди двойной узел.

— Ну, мужики, пошли.

Кевин выбежал из укрытия, мы — за ним, и пустились вокруг костра в пляс:

— Ву-ву-ву-ву-ву-ву!.. — выкрикивали мы индейский клич, шлепая по губам ладонями.

— Хи-йя-йя-йя-йя!..

Тут Кевин пнул костер в мою сторону, и он развалился. Горело уже несильно. Я перестал танцевать, а за мной и Кевин с Лиамом. Кевин потащил Лиам к огню.

— Отвянь!

Я стал помогать Кевину, но Лиаму явно было не смешно, и мы перестали. Потные, мокрые, стояли мы у гаснущего костерка. Тут мне пришла в голову мысль.

— Сторож ублюдок!

Мы трое кинулись за дом, хохоча и крича:

— Сторож ублюдок! Сторож ублюдок!

Вдруг нам что-то послышалось, точнее Кевину что-то послышалось. Удирали мы зигзагами через бывшее поле, пригнувшись, чтобы спастись от пуль. Я упал в канаву. Потом началась драка — не драка, а так, толкотня. Лиам метил мне в плечо, а попал по уху. Жутко больно. Так что ему пришлось подставить свое ухо для удара. Чтобы не начать отбиваться, Лиам спрятал руки в карманы.

Из канавы мы вылезли, потому что на лицо стали садиться мошки.

Синдбад не хотел набирать полный рот горячего от зажигалки.

— Это же рыбий жир, попробуй, — убеждал я его.

— Нет, не рыбий жир, — ныл мелкий и отчаянно извивался. Но я удержал его. Мы были в сарае на школьном дворе.

Рыбий жир мне нравился. Раскусываешь пилюлю зубами, и жир обволакивает язык и нёбо, пропитывает, как чернила промокашку. Теплый такой, приятно. И сама пилюля вкусная.

Был понедельник. Хенно дежурил во дворе, но в основном болтался на другой стороне, смотрел, как мальчишки играют в гандбол. Ненормальный у нас был учитель все-таки. Если бы он заглядывал время от времени в сарай, то многих бы застиг на месте преступления. А если учитель поймает пятерых, например, за курением или за каким-нибудь хулиганством, ему дают прибавку к зарплате. Так говорил Флюк Кэссиди, а у Флюка Кэссиди родной дядька был учи-